УДК 808.5

DOI 10.17516/2311-3499-057

ПОЛИТИЧЕСКИЙ, МЕДИЙНЫЙ, БЫТОВОЙ ДИСКУРСЫ – ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ, ЯЗЫКОВЫЕ РЕФЛЕКСЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»)

Е.В. Какорина

В данной работе мы обращаемся к теме взаимодействия политического, медийного и бытового дискурсов. Объектом исследования служат слова и выражения из идиолекта политика, которые становятся прецедентными феноменами русского языка и фактами русской культуры. Это своеобразные языковые ярлыки, афоризмы, которые связываются в сознании общества с именем определенного политического лица. «Толковый словарь русской разговорной речи» в силу своей специфики позволяет не просто фиксировать подобные слова, но и отмечать (в специальных зонах словаря) стилистические и прагматические особенности тех или иных лексем, а также кратко описывать историю их употребления в русском языке. Как правило, такие слова заимствуются из «далеких», «иностилевых» для публичной речи сфер общения (бытовой дискурс, социальные и профессиональные жаргоны). Тиражируясь через СМИ, данные языковые единицы вовлекаются в общее употребление, что может приводить к их укоренению в национальном языке, к утрате словом жаргонного или просторечного статуса и др. изменениям. Употребление подобных языковых средств в целях выражения экспрессии обычно связано с нарушением литературной нормы, а также коммуникативных норм институционального общения. В статье анализируется речевая манера советских и современных политиков (Н. Хрущева, Б. Ельцина, В. Путина и др.), в основном на материале словарных статей из «Толкового словаря русской разговорной речи».

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; бытовой дискурс; средства массовой информации; публичная речь; идиолект политика; разговорная речь; толковый словарь; стилистика; семантика.

POLITICAL, MEDIA, EVERYDAY DISCOURSE: POINTS OF CONTACT AND LANGUAGE REFLEXES (ON THE BASIS OF “THE EXPLANATORY DICTIONARY OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH”)

E.V. Kakorina

The article addresses the problem of the interaction of political, media and everyday discourse. The object of the research is words and expressions from a politician's idiolect that become precedential phenomena of the Russian language and facts of the Russian culture. These are peculiar language labels, aphorisms, which are associated in the consciousness of society with the name of a certain political person. The "Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech", by virtue of its specificity, allows not only fixing such words, but also to note (in special areas of the dictionary) the stylistic, pragmatic features of a particular lexeme, and also briefly describe the history of their use in Russian. As a rule, such words are borrowed from distant, stylistically alien for public speech spheres of communication, such as everyday discourse or social and professional jargons. These language units, replicating through the media, are involved in common usage, which can lead to their rooting in the national language, the loss of slang or colloquial status, and other changes. The use of such words to make speech more expressive usually implies deviations from the standard language norm, as well as communicative norms of institutional communication. The article provides the analysis of speech manner of Soviet and modern

politicians (N. Khrushchev, B. Yeltsyn, V. Putin and others), mostly on the basis of the entries from The "Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech".

Keywords and phrases: political discourse; everyday discourse; media; public speech; politician's idiolect; everyday speech; explanatory dictionary; stylistics; semantics.

Вводные замечания

В современных исследованиях речевой коммуникации актуален круг тем, связанных с изменениями в публичном речевом пространстве, обновлением и усложнением спектра коммуникативных стратегий, вниманием к проблемам «экологии» языка и речи, нормам речевого этикета в различных сферах общения.

В данной работе мы обращаемся к вопросу взаимовлияния институциональных – политического, массмедийного – и бытового дискурсов. Исследователи нередко подчеркивают их различия. Действительно, они противопоставлены по многим признакам (прежде всего по критериям *институциональность/персональность*, *личностно-* или *статусно-ориентированное общение*). При этом «для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [Карасик 2000: 11]. Степень жанровой регламентации – от строгой заданности и клишированности до свободно строящегося общения – также может существенно варьироваться.

Особый интерес в этом отношении вызывает речь политических лидеров.

В языковой личности первого лица государства совмещаются институциональный и персональный дискурсы. Как в условиях политической несвободы, так и в условиях демократичности и открытости общества фактор влиятельности, авторитетности говорящего в политике играет большую роль. Речь первых лиц государства, находясь на вершине шкалы авторитетности, сознательно или бессознательно копируется, служит риторическим образцом, активно тиражируемым через тексты СМИ, что позволяет ей достаточно легко проникать в различные сферы публичного и бытового общения.

Показателен в этом смысле пример подражания политическому лидеру не только в лексической или коммуникативной манере, но и копирование фонетических особенностей его речи, ср.: «В то время, когда у власти находился М.С. Горбачев, речь которого характеризуется последовательным произношением фрикативного [ɣ], среди лиц, так или иначе приближенных к власти, было немало тех, кто не ощущал необходимости избавляться от этой ненормативной фонетической особенности, а, напротив, сохранял ее в своей речи (так же, как и другие характерные приметы речи лидера: *начать*, *принять*, *углубить* и под.). Во времена Н.С. Хрущева, произношение которого отличалось не только наличием [ɣ] фрикативного, но и мягкостью [з] в словах типа *социализм*, “изьмы” слышались и в устных выступлениях многих других политиков» [Крысин 2003: 80].

На нескольких примерах мы попытаемся показать, как речь политика может влиять на язык общества в целом, как ключевое слово отдельного публичного текста может включаться в круг ключевых слов эпохи и становиться своеобразным вербальным «ярлыком» или «визитной карточкой» той или иной политической личности.

Предметом нашего внимания будет процесс функционирования в публичной речи языковых элементов из обиходного, бытового и других дискурсов, поскольку это отражает существенные черты речи политических субъектов и/или политического дискурса той или иной эпохи.

Материалами для наших наблюдений будут служить словарные статьи «Толкового словаря русской разговорной речи» (ТСРР), в котором описывается **разговорная речь носителей русского литературного языка** второй половины XX – начала XXI века. «Разговорная речь понимается как некодифицированная разновидность русского литературного языка, которая реализуется в условиях непринужденной, заранее не подготовленной устной коммуникации людей, не находящихся в официальных отношениях друг с другом» [Крысин 2010: 7]. Словарь

фиксирует семантические, морфологические и стилистические особенности, а также прагматические условия употребления разговорных языковых единиц. (Автором всех словарных статей, обсуждаемых в работе, является Е.В. Какорина.)

Речь политика как точка пересечения институционального и персонального, политического и бытового дискурсов

Общение политика с массовым адресатом в медийном пространстве только отчасти является его «непосредственной» самопрезентацией. В значительной мере это сложный, созданный с помощью политтехнологий, конструкт, опирающийся на принятый в обществе (или его части) алгоритм публичного поведения и словарь мифологем и идеологем.

В этой связи отметим противопоставление двух коммуникативных стратегий, двух разных типов речевого имиджа политика: **политик-фраза** и **политик-текст**, что представляется плодотворным для осознания стратегий речевого воздействия, использующихся в политическом дискурсе [Базылев 2000: 65–71]. В указанной работе высказана мысль о том, что политик, опирающийся на **текст** как инструмент влияния на массового адресата, проигрывает политику, в речи которого акцентированы элементы минимальной структуры – выделены **отдельные слова** или **фразы**. Ошибку таких политиков, как М. Горбачев, Г. Попов, Е. Гайдар и А. Чубайс, автор видит в том, что они «говорили текстами».

«Но почему нам нравятся, запоминаются фразы, почему нам импонируют политики, рубящие правду-матку фразами – как можно более короткими, но настолько вербально-семантически и семиотически емкими-объемными, что они заменяют тексты – длинные речи. Почему “народ” не воспринимает текст, почему “отторгает” такого политика?» [Там же: 68]. Отторжение текста большого объема отвечает природе коммуникации, обращенной к массовому адресату. Представляется, что важную роль при этом играют процессы восприятия и запоминания реплики-фразы или отдельного слова в составе фразы наряду с бóльшим семантическим «весом», эмоциональным зарядом, стилистической маркированностью подобной легко «обозримой» языковой единицы, имеющей шанс получить статус прецедентного феномена в культуре. **Политик-текст**, как правило, строит общение на основе текста информативного регистра, используя стилистически более нейтральные и/или разнообразные средства (включая терминологию), апеллируя к фактам, логическим связям, а не к эмоциям адресата. Аффективные приемы, опирающиеся на эмотивность и являющиеся признаком демагогической речи, оказываются действенными для адресата определенного рода.

Речь политика как риторический образец

Для первого лица государства наиболее характерной является коммуникативная маска-имидж «сильного политика». Образ сильного политика может создаваться в том числе через демонстративные нарушения общепринятых норм речевого этикета или норм вежливости. Вернее, самое высокое положение на вертикали власти может в зависимости от политического контекста, формата общения и личных качеств говорящего как накладывать наибольшие ограничения на речь политика, так и вовсе отменять их.

С первых лет существования советского государства идет процесс формирования нового политического языка, в публичную речь того времени привлечены стилистически разнородные языковые ресурсы: иноязычные заимствования, архаизмы, церковнославянизмы, новый канцелярит, книжная лексика различных тематических сфер. Отмечается «распространение черт речи авторитетных деятелей революции», «влияние особенностей речи В.И. Ленина, главным образом, в эмоциональном отношении» на развитие и становление языка политики [Селищев 1928: 27]. «После революции 1917 г. языковые черты речи революционеров стали распространяться весьма интенсивно, проникая в широкие слои населения городского, фабрично-заводского и отчасти деревенского» [Там же]. В то же время фактуру и качества «языка власти» формирует и противоположно направленный процесс: происходит насыщение языка политики и языка в целом вульгаризмами и воровским жаргоном, широкое распространение в устной и письменной

публичной речи получают «слова деревни, фабрики, низших городских слоев – слова, вошедшие в состав речи партийной и вообще советской среды» [Селищев 1928: 70]. Употребление сниженной, бранной лексики в публичном общении становится нормой. «Крепкие словечки» по отношению к политическим противникам, такие как «фантазия сладенького **дурачка** Каутского» (Ленин, XV, 467), «белогвардейская **сволочь**» и т.п., превращаются в характерные приметы речи партийных лидеров и их последователей (цит. по [Селищев 1928: 83–84, 127]).

В рамках общей когнитивной модели *борьбы* в советском политическом дискурсе закладывается и впоследствии укрепляется превалирующая когнитивная оппозиция *своё / чужое*, которая лежит в основе всего политического гипертекста советской и постсоветской эпохи. Сосредоточенность на образе врага и средствах его уничтожения или дискредитации (в том числе через понижение его статуса, словесное уничтожение) характерна прежде всего для общества тоталитарного типа, т.к. подобная риторика «направлена на борьбу, поэтому самое главное <...> – нахождение и “заклеймение” врага, однако враг представляется всегда не только и не столько как опасный, но и как нелепый, комичный, вызывающий издевку. Тут мы имеем дело не с юмором или иронией, но скорее с сарказмом и издевательством» [Михальская 1996: 103–104].

Стремление к экспрессии в процессе словесной дискредитации «врага» или оппонента нередко вступает в противоречие с необходимостью следовать языковой норме, но именно нарушение языковых и культурных запретов обычно «выводит» слово в ранг широко цитируемой единицы, «модного слова», выполняя функцию привлечения внимания, и при этом наше внимание акцентируется не только на содержании речи, но и на имидже самого политика.

С другой стороны, необходимой основой коммуникативной нормы являются языковая и этическая нормы. При этом в идеале литературная норма обладает свойствами консерватизма, всеобщности и безвариантности (ср. [Ширяев 2000:14–15]). «Неотменяемость» существующей в данном социуме в данное время литературной нормы может выражаться, например, в том, что ненормативное слово игнорируется говорящими или включается ими исключительно в ироничные или отрицательные контексты. Этические нормы еще более устойчивы и более всеобщы.

Вместе с тем, в работах по коммуникативной этностилистике тезис о «всеобщности» коммуникативной нормы, положение о нормах общения, конвенциях, релевантных для любой культуры и любого этноса (ср. максимы П. Грайса), обсуждаются в дискуссионном ключе. Так, например, высказывается мысль о характерных для русского стиля коммуникации «контактности, прямолинейности, импозитивности, категоричности, эмоциональности» в отличие от таких доминант английского стиля коммуникации, как «дистантность, или коммуникативная неприкосновенность, косвенность, недоговоренность, неимпозитивность, эмоциональная сдержанность» [Ларина 2012: 136]. Следовательно, и о нарушении коммуникативных норм мы можем говорить, по-видимому, учитывая «поправку» на тот или иной тип культуры.

Нельзя игнорировать и такой фактор, как индивидуальная речевая манера политика. Открытая, эмоционально окрашенная речь Н. Хрущева, Б. Ельцина может быть противопоставлена закрытой, сдержанной манере М. Горбачева, В. Путина.

Существует «борьба» жестко заданных, строго регулируемых норм и правил институционального общения и реального узуса публичной речи, допускающего многочисленные отклонения от нормы. В определенные моменты исторического развития возможно приятие, одобрение большей частью языкового коллектива не только неправильностей, вольностей в речи политика, но и фактов грубого нарушения языковой нормы или культурной традиции.

Материалы ТСРР позволяют проследить определенные тенденции и своеобразную преемственность в употреблении сниженной, стилистически маркированной лексики из различных подсистем языка в речи первых лиц государства и чиновников в советский, постсоветский периоды и в настоящее время.

На примере характерных слов, формирующих прецедентные тексты и ставших своеобразным маркером, вербальным символом идиолекта того или иного политика, продемонстрируем сказанное выше.

Сниженная лексика

Говно

Широко известно ставшее прецедентным текстом высказывание В. Ленина в адрес русской интеллигенции *«на деле это не мозг [нации], а говно»*. *Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно...* (Письмо В.И. Ленина А.М. Горькому, 15.09.1919) [Ленин 1970: 48].

Приведем фрагмент словарной статьи из ТСРР. В словаре данная лексема снабжена стилистической пометой «бран., неодобр.», говорящей о том, что слово используется для отрицательной характеристики человека и при этом является несомненным оскорблением. В специальной зоне PRAGM помещены сведения об особенностях употребления слова.

ГОВНО.

2. перен. DEF: о ком-чём-л. крайне неприятном, вызывающем раздражение или отвращение. — Сучка, — сказала она. — Сучка, **говно**. Давай сюда талоны свои сраные, журналист хренов. Из-за таких гнид и началось всё! (А. Кабаков. Невозвращенец); Рассказал, как в больницу приезжал Ржезач — «мразь, кагебешник, **говно**» (А. Солженицын. Потёмщики света не ищут); Допустим, не понравился тебе какой-нибудь министр — отлично. Пишешь в редакцию: министр — **говно**! Любому президенту можно в рожу наплевать (С. Довлатов. Чемодан); Кинорежиссер Сергей Параджанов сказал другому, заурядному, но титулованному и премированному режиссеру на киевской студии имени Довженко: «Я гений, а ты **говно**, но сейчас твое время!» (Совершенно секретно, 06.02.2003).

PRAGM: в качестве резко отрицательной оценки слово используется в публичной речи политиков на протяжении советского и постсоветского периодов. Владимир Ильич отвечает на хлопоты Горького по поводу арестов интеллигенции (среди них, очевидно, и часть подсудимых этого процесса) и об основной массе тогдашней русской интеллигенции («околокадетской») пишет: *«на деле это не мозг нации, а говно»* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг); Дойдя до работ «Новой реальности», Хрущев, помолчав, громко произносит: «**Говно!**» (Л. Парфенов. АИФ.RU Год 1962 // АИФ, 10.11.2008); У Руслана Имрановича вообще со СМИ как-то не получалось ладить. Мы организовали ему встречу с главными редакторами ведущих изданий. Были Егор Яковлев, Игорь Голембиовский, редактор «АиФ» Владислав Старков. Разговора не получилось, Хасбулатов сорвался и заорал: «Вы не четвёртая власть. Вы **говно**». Редакторы встали и вышли (М. Полторанин. Я б в бетонщики пошёл // АИФ, 18.11.2009).

Ср. также: Как же ты, такой красивый молодой человек, мог написать такое **говно**? (Приписывается Н. Хрущеву, выставка авангардистов, 1962 г.).

Обращение к подчеркнуто сниженному регистру речи, к нелитературным подсистемам русского языка в институциональном, официальном общении оценивается как грубое нарушение коммуникативной нормы. В то же время приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что политики склонны прибегать к экспрессивным приемам такого рода. Целью оскорбительной характеристики адресата в публичной речи обычно является, помимо прочего, понижение его социального статуса. Однако данная коммуникативная стратегия не вполне успешна. Использование брани парадоксальным образом понижает статус самого говорящего, асимметричное статусно-ролевое взаимодействие партнеров коммуникации переходит в формат межличностного общения «на равных», поскольку только здесь могут быть коммуникативно «оправданны» подобные характеристики адресата. Ср. глаголы *распекать* и *обзывать*, обозначающие ситуации с разным соотношением асимметрии ролей участников ситуации. Начальник может «распекать» подчиненного, но ситуация, когда начальник «обзывает»

подчиненного – и этически, и лингвистически вряд ли корректна. В бытовом, неофициальном общении, где грубые, бранные языковые средства соответствуют некоторым типологическим речевым жанрам (ссора, брань, спор), адресат оскорбительной характеристики может быть не только равен по статусу говорящему, но и находиться ниже или выше его.

Сексуальная сфера

Пидарас

Правила речевого поведения в публичной коммуникации (как, впрочем, и во всех иных коммуникативных сферах) нередко регламентируют не только форму (языковое воплощение), но и содержание текста. «Одним из критериев соблюдения приличий в сфере содержания высказываний является учет тематических табу. Неприличие (непристойность) содержания – это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе считаются недопустимыми в публичном обсуждении (секс, физиологические процессы организма, телесный низ и тому подобное)» [Иссерс 2018: 96] (ср. [Стернин 2008: 226]).

С именем Н.С. Хрущева в сознании части говорящих связано искаженное употребление слова *педераст* в оценочном, бранном контексте. Ср.:

«Пидарасы», — сказал Хрущев. / Был я смолоду не готов / Осознать правоту Хрущева, / Но, дожив до своих годов, / Убедился, честное слово» (С. Гандлевский).

Одни участники встречи с Хрущевым уверяют, что он матерился и грозил им урановыми рудниками, другие – что лидер партии и правительства СССР в ярости срывал картины со стен. Но все смакуют, как он обзывал их *«педерасами»*. Никита Сергеевич действительно несколько раз употребил слова *«педерасты»* и *«го...о»* (кстати, свидетели говорят, что Хрущев буквально говорил *«педерасы»...*) (А. Гришин. 50 лет назад Никита Хрущев устроил выволочку художникам-авангардистам: «Покамест нас история выдвинула, мы будем творить то, что полезно для нашего народа» // Комсомольская правда, 01.12.2012) (ТСРР).

«Пидарасы проклятые!» — Хрущёв о художниках-абстракционистах при посещении выставки в Манеже 1 декабря 1962 года, в передаче художника Э. Белютина: «Вы что — мужики или пидарасы проклятые, как вы можете так писать? («Правда, без которой нам не жить» // «Самиздат века», 1997 [ru.wikipedia.org]).

Вы что — мужики или пидорасы проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть? Кто автор? (<https://ru.citaty.net/avtory/nikita-sergeevich-khrushchiov/>).

Порнография

Другое слово-ярлык, с которым соотносится в сознании нескольких поколений русскоговорящих личность политика Н.С. Хрущева, – это слово *порнография* в оценочном значении. Семантический сдвиг и размывание значения слова позволяет употреблять его для отрицательной характеристики разнообразных явлений со смыслом «нечто плохое».

Приведем материалы соответствующей словарной статьи из ТСРР.

ПОРНОГРАФИЯ.

DEF: о чем-л. (произведении искусства, вещи) плохого качества или вообще о любом явлении, событии, ситуации, которые говорящий оценивает отрицательно. *Это не январь / а какая-то порнография* // *Вчера было плюс пять // А завтра вообще плюс девять // Интересно шо ж дальше-то будет?* (Запись устной речи, 2005); (О книге): *"Порнография какая-то со школотой, я не собираюсь это читать, мне коллега рассказывал". "Я и не думал, что этот фильм снят по книге. "Географ глобус пропил" Что ещё смотрела? "Хребет России" про Урал? Там такая же суровая жесть?"* (ЖЖ, 08.01.2014) <...>

MORPH: ж.; мн. нет.

SYNT: часто сочетается с определениями *какая-то, эта*.

STYL: *неодобр.*

ANALOG: *ахиня, байда* (в 1 знач.), *белиберда* (в 1 знач.), *бодяга* (в 1 знач.), *бред, бред сивой кобылы* (см. *бред*), *бред собачий* (см. *бред*), *бредовина, бредятина, галиматья, говно* (во 2 и 3

знач.), дерьмо (во 2 и 3 знач.), дичь, дребедень, ересь, ерунда (в 1 знач.), ерундистика, лабуда, лажа, мура (в 1 знач.), муровина (в 1 знач.), мусор, мутота¹ (в 1 знач.), мутотень (в 1 знач.), муть¹ (в 1 знач.), пурга, тарабарщина, туфта, фигня, фиговина, хреновина, хренота, хрень, чепуха, чепуховина, чушь, чушь собачья (см. чушь)...

В данном значении слово имеет множество аналогов в разговорной речи.

Фиксация слова в различных по тематике контекстах бытового дискурса говорит об освоении слова широким кругом «простых» носителей русского языка. Приведем примеры из иллюстративной части проекта словарной статьи, отражающие речь чиновников:

(О выборах в Мосгордуму): *«Я уже говорил, что так называемые выборы 8 июня – это какая-то **порнография**, а не выборы. Вот они такой же ролик и сняли, логично поступив. Там есть эротические элементы и суицидальные настроения», – пояснил Митрохин (life.ru/t/звук, 05.06.2014); Биотуалеты на автостанции Сокол – это **порнография**, зимой никто не убирает и вырастают мочевые и каловые сталактиты в этих будках (Gorod48, 11.10.2015); «Эту **порнографию** надо из города убирать, иначе все превратится в большой Шанхай». Формулировки образные, но понятные (Ярославская Дума запретила ночью торговать водкой // Городской телеканал, 25.12.2009); Александр Якимов, заместитель председателя городской Думы, покритиковал неприглядный внешний вид хоккейных ворот. — Убирайте эту **порнографию**, команды приедут из других городов — засмеют же. Давайте работу сделаем в этом отношении, — прокомментировал зампред (Депутаты инспектировали площадки для зимних видов спорта // Глобус (г. Серов), 05.11.2015).*

В специальной зоне словарной статьи помещаются сведения об особенностях использования данной лексемы, истории ее существования в русском языке, культурных ассоциациях, характерных ситуациях общения и типовых контекстах. Ср.:

PRAGM: употребление слова в значении резкой отрицательной оценки, по-видимому, связано с широко растиражированным высказыванием, которое приписывают Н. Хрущеву: *«Это **порнография**, это не искусство. Это претит! Даже абстрактная мазня объявляется концом, венцом. Какой дурак пойдет под этим знаменем!»*. Жесткая критика творчества художников-авангардистов была высказана во время посещения Н. Хрущевым в декабре 1962 года выставки студии профессора Элия Белютина «Новая реальность» Московского отделения Союза художников СССР в выставочном зале «Манеж» и продолжилась впоследствии. «В оценках авангарда руководители сверхдержав эпохи холодной войны проявляли удивительное единомыслие – если генсек Хрущев известен чеканным “это порнография, это не искусство”, то президент Трумен высказался более аккуратно, хоть и неpolitкорректно “если это искусство, я готтентот”» (Декабрь 1962. Манеж. 50 лет спустя из цикла «Разница во времени» // Радио «Свобода», 01.12.2012).

Представляется, что современные употребления, зафиксированные в толковом словаре современной разговорной речи, демонстрируют освоение этого слова, как в субъязыке чиновников (*Уберите эту **порнографию**!* (о спортивных сооружениях)), так и в бытовом дискурсе (*Не погода, а **порнография** какая-то!*).

Контрацептив (Презерватив)

Сближение далекого и столкновение разностилевого, обращение к сексуальной сфере в официальном общении (табуированной для речевого этикета теме) широко используется и в современном политическом дискурсе. К этому приему прибегает В. Путин как к средству языкового давления, например, для уничтожения представителей оппозиции. *Белые ленточки премьер сравнил с “контрацептивами”. Про белые ленточки, которые стали символом протестов, Путин сказал, что они показались ему похожими на символ борьбы со СПИДом: «Какие-то **контрацептивы** повесили» И заговорил о цветных революциях* (<https://www.newsru.com/russia/15dec2011/line10.html>).

Прием установления «немотивированной» негативной смысловой связи, использования некорректных аналогий, организация текста на основе принципа «нейтральный фон – экспрессивное слово» в целом характерны для демагогического варианта полемической публичной речи.

Уголовный жаргон

Мочить

Наиболее простым коммуникативным средством подчеркивания «силы» и высокого статуса политика является обращение к экспрессивным, стилистически маркированным – «чужим», «иностилевым» средствам языкового фонда.

На формирование речевого имиджа политического лидера оказывают влияние многие факторы, среди которых стремление к «общественному, национальному одобрению» занимает важное место. Солидаризация с определенными социальными группами, в том числе через использование языка той или иной группы общества, играет в этом немаловажную роль.

В интервью корреспонденту «Голоса Америки» Ксении Турковой профессор Университета Флориды, автор книг о новоязе советской эпохи и политическом языке современной России Майкл Горэм отметил: «Если посмотреть ежегодную прямую линию с Путиным, можно увидеть все его «лица»: это профиль технократа, профиль делового человека, профиль силовика, профиль мужика и, наконец, профиль патриота. Самый главный по частотности, если можно так сказать, – профиль технократа. Путин хорошо владеет бюрократическим языком» (<https://ru.krymr.com/a/28698494.html>, 26.08.2017).

Наряду с перечисленными речевыми масками можно отметить еще и «идентификацию» президента с другой целевой аудиторией. В ситуации встречи с журналистами, которая, безусловно, является жанром официального, статусного общения и предполагает следование нейтральным языковым средствам в соответствии с коммуникативными целями ответов на вопросы, В.В. Путин употребил жаргонное выражение *мочить в сортире*, ставшее его «визитной карточкой», вызвавшее неоднозначную реакцию общества и породившее большое число прецедентных текстов в СМИ и бытовом дискурсе. Обращение к данному выражению и – шире – к лексике данной подсистемы русского языка расшифровывается носителями языка как декларация силы, но одновременно и как «узаконивание» языка и ценностей уголовного мира, таких как беззаконие, жестокость и т.п. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько спонтанным или «заранее заготовленным» было данное заявление президента, и отмечая движение современного политического дискурса в сторону от неподготовленности, свободы и спонтанности его развертывания к противоположным явлениям, отметим отрицательное отношение большей части общества к такому смелому аффективному приему, что выразилось в погружении слова в ироничные контексты.

«Носитель литературного языка, представитель высшего эшелона власти, используя лексику уголовников, демонстрирует раскованность в ущерб чувству меры. <...> В.В. Путин в желании приблизить к себе адресата использовал сильный прием, нарушив при этом нормы риторического этоса, – унизил достоинство адресата, обращаясь к нему на языке уголовников, тем самым понижая всю российскую аудиторию до говорящих на этом языке» [Вепрева 2000: 53].

В описании лексемы *мочить* в ТСРР отражена ситуация введения этого слова в широкий обиход и факт его усвоения различными социальными группами говорящих, о чем свидетельствуют примеры из иллюстративной части словарной статьи. Наряду с этим нельзя не сказать о том, что в данный момент слово сохраняет яркую стилевую маркированность для носителей литературного языка (и в ТСРР сопровождается стилистической пометой «жаргонное слово»).

Однако немаловажен и факт «встраивания» данного частотного слова из «языка уголовного мира» в языковую картину мира носителей русского литературного языка и усвоение данного концепта широким кругом говорящих.

МОЧИТЬ.

DEF: убивать. – *Чего / Карло / мочить её будешь / да? – Нет / чай буду с ней пить!* (К/ф «Любовь-морковь», 2007); *Он лет с 5-6 как начал в WarKraft играть, так и мочит до сих пор всяких орков во всё новых и новых версиях* (Форум «Наши дети: Подростки», 2004); *Остальные, почти хором, твердили одно: мочи его, это весело* (Веерное отключение мозга // Комсомольская правда, 13.11.2013); – *А здесь я просто ни хрена не въехала / он как придурок носится по всему городу / мочит всех подряд / матерится //* – *Ну если б тебе что-то вкачали / ты б тоже не на литературном общалась//* (Разговор в парикмахерской // Из коллекции НКРЯ, 2006).

MORPH: несов.; сов. замочить.

SYNT: кого.

STYL: жарг.

SYN: гасить, грохнуть (в 7 знач.), гробануть (во 2 знач.), завалить (в 6 знач.), кокнуть (во 2 знач.), кончать (в 1 знач.), положить, порешить, прикончить, пришить, уколошить.

PRAGM: выражение *мочить в сортире* и жаргонное слово *мочить* стало активно употребляться в разговорной речи после введения его в публичную речь президентом В. Путиным: *Российские / самолеты наносят удары исключительно по базам террористов // Мы будем преследовать террористов везде / в аэропорту / в аэропорту / значит / вы уж меня извините / в туалете поймает / и / и в сортире их замочим / в конце концов//* (Пресс-конференции в Астане, ТВ, 24.09.1999).

Исходя из частотности и употребительности в культурно значимых контекстах, слово *мочить*, по-видимому, следует признать ключевым словом современной эпохи.

Такая распространенная в публичной речи, но одновременно сложная и неоднозначная по своему коммуникативному значению интенция, как демонстрация успешности и силы, нуждается в «осторожном» обращении, строгом отборе лексических средств для ее воплощения. Тем не менее обращение к лексике уголовного жаргона, а также к профессиональному жаргону силовых структур регулярно используется первыми лицами государства. Например, слово *нагнуть* может выражать смысл «принудить к чему-л. силой, через насилие добиться чего-л. в своих интересах», это значение не зафиксировано в современных толковых словарях русского языка, т.к. оно, вероятно, имеет жаргонное происхождение (не совсем ясно, какое именно). В речи В. Путина это слово реализует именно данное жаргонное значение и сохраняет соответствующие коннотации. Ср.: *Сами написали, раструбили на весь мир, нагнули всех, а теперь возмущаются. Чему? Ведь действия крымчан четко вписываются в эту, собственно говоря, инструкцию. Почему-то то, что можно албанцам в Косово (а мы относимся к ним с уважением), запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму. Опять возникает вопрос: почему?* (Крымская речь В.В. Путина от 18.03.2014).

Отметим еще одно слово с теми же коннотациями, ставшее «визитной карточкой» В. Путина. Президент комментирует приговор суда участницам группы Pussy Riot: *На самом деле/ я думал/ что на этом закончится // Но это начали раскручивать / раск... В конце концов докатили д... до суда // А суд влепил им... двушечку //* (НТВ, программа «Центральное телевидение», 07.10.2012).

Это слово не зафиксировано в ТСРР по причине его принадлежности к жаргону (в словаре описано слово *двушка* в разговорных значениях). Сегодня оно активно тиражируется СМИ и включается в прецедентные тексты. Можно вспомнить, например, «Песню про президента» Ю. Кима (авторское название песни — «Внутренний голос»): *Ходорковскому еще / двушечку влепил*. Достаточно широкая употребительность слова *двушечка* в значении «тюремный срок в два года» позволяет говорить о тенденции его перехода в разряд так называемого общего сленга.

Кошмарить

Примеры привлечения в общее употребление ресурсов такой подсистемы языка, как уголовный жаргон, не единичны. Ср. материалы словаря:

КОШМАРИТЬ.

1. DEF: превращать в кошмар чье-л. существование, создавая невыносимые условия для существования кого-чего-л. *Надо перестать **кошмарить** систему образования // Бизнес немного перестали **кошмарить** / теперь переключились на образование / отчетностью заваливают //* (В. Никонов, образовательный форум «Единой России», ТАСС, 28.03.2016); *Курганский ветеран "кошмарит" жалобами соседа-фермера* (Российская газета, 13.08.2009); <...> *Европа находится в состоянии закошмаривания. Её **кошмарят** терактами; Вдруг они сегодня перестанут **кошмарить** предпринимателей, отнимать собственность, требовать откаты, что уже фантастика; Там должников замуровывают, осаждают, терроризируют. «Чёрные» коллекторы **кошмарят** людей почем зря. Узаконенный бандитизм, короче* (Блоги, 2016).

MORPH: несов.; сов. нет.

SYNT: кого-что, чем.

STYL: жарг.

SYN: гнобить, прессовать, терроризировать.

ANALOG: давить, доконать, донять, допечь, достать², жучить, загонять, задолбать, заколебать, заклевать, заманать, замордовать (во 2 и 3 знач.), замотать (во 2 знач.), замытарить, затравить, затрахать, затуркать, затыкать, извести, издёргать, мордовать (во 2 и 3 знач.), мотать (в 7 знач.), наезжать, травить, трепать....

PRAGM: слово из уголовного жаргона, где оно употреблялось по отношению к человеку и означало «грубо угрожать, запугивать, доводить чью-л. жизнь до кошмара», стало активно употребляться в разговорной речи после введения его в публичную речь президентом Д. Медведевым: *...замучили проверки / и / всякого рода наезды <...> Вообще / надо / чтобы / и наши правоохранительные органы / и органы / власти / перестали **кошмарить** бизнес //* (Вести.RU, Совещание по проблемам малого бизнеса в г. Гагарине, 31.07.2008); *Казалось, что органы МВД часто злоупотребляют своим правом и, как модно говорить в народе, **кошмарят** бизнес, — заявил Путин* (Комсомольская правда, 14.11.2013).

Высокая политизированность обыденного общения и активная роль СМИ (в том числе виртуальных) играют не последнюю роль в распространении подобных «модных» слов и усвоении их языковым коллективом. Закрепление в современном узусе и «узаконивание» слов данной социальной группы невозможно без изменения концептуальных установок носителей языка и изменений, как значительных, так и едва заметных, в их языковой картине мира.

Разговорная речь в публичной сфере

Еще одной возможной стороной взаимодействия, точкой пересечения институционального и бытового дискурса являются индивидуальные особенности речи политика. Степень проявления или, напротив, нивелирования личностного начала в речи политика в текстах, адресованных массовой аудитории, должна соответствовать жанру (публичное выступление, пресс-конференция, официальное заявление и т.п.). Употребление разговорных элементов разной степени сниженности или «разговорности» придает речи сниженный или камерный характер (часто не соответствующий ситуации или жанру общения) и нередко создает нежелательный для говорящего эффект.

Слово *понимаешь* было характерной приметой и стилистическим маркером речи президента Б. Ельцина. Ср.: *Как тот такой же, так и этот, **понимаешь**. Два генерала...* (об А. Лебеде и А. Коржакове); *Вот такая, **понимаешь**, загогулина получается* (Церемония представления высших офицеров вооруженных сил, октябрь 1998 года); *Это оголтелые бандиты, **понимаешь**, с черными повязками* (Саммит G7 в Галифаксе); *И силой нельзя, и отступить нельзя. Надо, чтобы и победа была, и чтоб без войны. Дипломатия, **понимаешь*** (О ситуации в Чечне, 06.10.1996) [Викицитатник. URL: ru.wikiquote.org].

В разговорной речи в качестве вводных слов используются лексемы *понимаете, понимаешь*. Их роль крайне разнообразна: привлечение внимания собеседника, акцентирование какого-л.

элемента высказывания, эвфемистическая замена выражения неодобрения или другой оценки предмета сообщения, «самооправдание» говорящего за сказанное и др.

Вводное слово *понимаете* маркирует обращение к собеседнику на «вы». Ср. материалы из ТСРР:

ПОНИМА́ЕТЕ.

Дмитрий Дибров, телеведущий: – Тут, *понимаете*, какая вещь: я нарушаю дресс-код только в той мере, в какой это не оскорбит событие и окружающих меня людей (Труд-7, 24.07.2008);

Егор Лигачев: 1988 год заканчивается, я прихожу к Горбачеву: «С Новым годом, Михаил Сергеевич! Но вот, *понимаете*, 40 миллиардов свободных денежных средств в стране». Он помолчал: «Да, это беда». А в 1990 году – уже 100 млрд. рублей неизрасходованных денежных масс. На 1991 год – около 200 млрд (Комсомольская правда, 29.12.2011).

Вводное слово *понимаешь* маркирует обращение к собеседнику на «ты». При этом это не «ты» начальственное или «ты» хамское, а «ты» дружеское. Ср. фрагмент словарной статьи из ТСРР:

ПОНИМА́ЕШЬ.

DEF: используется для подчеркивания какой-л. мысли или выделения какой-л. части высказывания, а также в качестве замены более экспрессивного слова. Ты / Алёша всё привык на готовеньком! Придумал себе / *понимаешь* / идеал! На блюдечке подай его тебе! (К/ф «Формула любви», 1984); При чём тут курсы, мать вашу за ногу! НапилсЯ, *понимаешь*, друга искалечил, теперь о курсах мечтает!.. А в институт случайно не хотите поступить? Или в консерваторию?.. (С. Довлатов. Чемодан); ...ты пойдй по Арбату пройдишь: вот где сумасшедшие! На прошлой неделе подошел к одному – картину продает: две линии перекрещенные, а посередине – одна женская сиська... сколько, спрашиваю, стоит, – пятьдесят у. е., говорит, товарищ милиционер! Я ему: я те дам – «милиционер», я те дам «уе»! Насилу, *понимаешь*, сдержался: ушел, говорю, отсюда – и чтоб больше ничего подобного тут не было (Е. Клюев. Андерманир штурк).

MORPH: вводи.

ANALOG: видите ли, видишь ли, короче, мягко говоря, честно говоря.

В словаре отмечена особая роль этой лексемы в идиолекте Б. Ельцина.

PRAGM: нередко используется как слово-паразит. Ср.: В победе не сомневаюсь, слаонервных прошу не суетиться, и пусть они там не торопятся со сменой портретов, *понимаешь*; Надо осторожнее, *понимаешь*, в нашем мире, насыщенном разными видами оружия. А то не успеешь заметить, как террористы закидают самолетами, бомбами...; Поддержка вас приоритетна, но и с вас мой спрос тоже приоритетен. Вот такая, *понимаешь*, загогулина получается (Из высказываний Б.Н. Ельцина, октябрь 1998 г.).

Можно отметить, что слово *понимаешь* придает реплике диалогичность, оно задает обращение говорящего к индивидуальному собеседнику (одному лицу), это «обращение» не к массовому адресату публичного общения, а к гипотетическому адресату, статус или роль которого «поднимают» до отношений дружеской, приятельской, фамильярной паритетности. Структурная роль слова в высказывании также важна: так через парцелляцию и создание паузы в речь вносится дополнительная экспрессивная оценочная разговорная интонация. Ср. также: «Употр. с целью задержать внимание собеседника на предмете разговора, придать доверительность высказыванию» [Словарь структурных слов... 1997: 272].

Доверительный, «камерный» стиль общения, в целом присущий речевой манере Б. Ельцина, типологически принадлежит прежде всего сфере личностно-ориентированного непринужденного общения. Подчеркнуто разговорные языковые средства в политическом дискурсе стилистически маркированы, их употребление здесь ограничено особыми коммуникативными условиями. Нередко разговорные языковые средства в публичной речи становятся слагаемыми

коммуникативной неудачи, поскольку говорящий не всегда осознает и контролирует создаваемый с их помощью иллюкативный эффект.

Выводы

Опираясь на материалы ТСРР, мы попытались поставить вопрос о том, способны ли речевая манера и идиоматика первого лица государства или политика высокого ранга оказывать влияние на национальный язык и словарь актуальных общезначимых концептов. В настоящее время можно отметить «относительно высокую взаимную проницаемость различных, в том числе «далеких», подсистем языка (политический дискурс – бытовой дискурс – социальные жаргоны – профессиональные жаргоны)» [Какорина 2003: 259]. Это определяет весомость, значимость слова в современном политическом дискурсе, а также важную роль СМИ в тиражировании и «укоренении» в языке и в сознании языкового коллектива каких-либо феноменов, превращении их в факты русской культуры.

Литература

Базылев В.Н. Политик-фраза и политик-текст // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 65–71.

Вепрева И.Т. Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 42–57.

Иссерс О.С. Грани «приличного/неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / [сост. и отв. ред. И.А. Шаронов]. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 94–103.

Какорина Е.В. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 241–276.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 79–102.

Крысин Л.П. Введение // Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / под ред. Л.П. Крысина. М., 2010. С. 6–15.

Ларина Т.В. Коммуникативная этностилистика и предмет ее изучения // Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Пленарные доклады. М.: Медиамир, 2012. С. 129–138.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 51. 574 с.

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособ. для студентов гуманитарных факультетов. М.: Издательский центр «Academia», 1996. 192 с.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. М.: Лазурь, 1997. 420 с.

Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2008. 596 с.

Толковый словарь русской разговорной речи; отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. Вып.1: А–И. 776 с.

Толковый словарь русской разговорной речи; отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2017. Вып. 2: К–О. 864 с.

Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 13–21.

References

Bazylev V.N. Politik-fraza i politik-tekst [Politician-phrase and politician -text]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: Sb. nauch. tr. [Linguistic personality: institutional and personal discourse: Sat. science. Tr.]* / pod red. V.I. Karasika, G.G. Slyshkina. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 65–71.

Issers O.S. Grani «prilichnogo/neprilichnogo» v publichnoi kommunikatsii (na primere interv'yua Yuriya Dudy) [The borderline between the "decent" and "indecent" in public communication (as in the case of interview by Yuri Dudy)]. *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoyavsheisya v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktyabrya 2018 g. [Politeness and anti-politeness in language and communication: proceedings of the International scientific conference held at the Institute of linguistics, Russian state humanitarian University, October 23–24, 2018]* / sost. i отв. ред. I.A. Sharonov. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018, pp. 94–103.

Kakorina E.V. Sfera massovoi kommunikatsii: otrazhenie sotsial'noi differentsirovannosti yazyka v tekstakh SMI [The sphere of mass communication: a reflection of the social differentiation of the language in the texts of the media]. *Sovremennyi russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya / Ros. akademiya nauk. In-t russkogo yazyka im V.V. Vinogradova [Modern Russian language: Social and functional differentiation / Ros. Academy of Sciences. The Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradova]*, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 241–276.

Karasik V.I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs [Language personality: institutional and personal discourse]*, Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20.

Krysin L.P. Sotsial'naya markirovannost' yazykovykh edinit [Social labeling of language units]. *Sovremennyi russkii yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya [Modern Russian language: Social and functional differentiation]* / Ros. akademiya nauk. In-t russkogo yazyka im V.V. Vinogradova. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp.79–102.

Krysin L.P. Vvedenie [Introduction]. *Tolkovy slovar' russkoi razgovornoj rechi. Prospekt [Explanatory Dictionary of Russian Conversation. Prospectus]* / pod red. L.P. Krysin, Moscow, 2010. pp. 6–15.

Larina T.V. Kommunikativnaya etnostilistika i predmet ee izucheniya» [Communicative ethnostylistics and the subject of its study]. *Vtoraya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Stilistika segodnya i zavtra: mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh». Plenarnye doklady [Second International Scientific Conference “Stylistics Today and Tomorrow: Media Text in Pragmatic, Rhetorical, and Linguocultural Cultural Aspects”]*, Moscow, Mediamir Publ., 2012, pp. 129–138.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Moscow, Politicheskoi literatury Publ., ed. 5n, 1970, vol. 51, 574 p.

Mikhal'skaya A.K. Russkii Sokrat: Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike: Ucheb. posobie dlya studentov gumanitarnykh fakul'tetov [Russian Socrates: Lectures on comparative historical rhetoric: Proc. Handbook for students of humanitarian faculties]. Moscow, "Academia" Publ., 1996. 192 p.

Selishchev A.M. Yazyk revolyutsionnoi epokhi: Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926) [The language of the revolutionary era: From the observations of the Russian language in recent years (1917–1926)]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1928. 248 p.

Shiryaev E.N. Tipy norm i vopros o kul'turno-rechevykh otsenkakh [Types of norms and the question of cultural and speech evaluations]. *Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoi Rossii* [Cultural and speech situation in modern Russia] / pod red. N.A. Kupinoy. Ekaterinburg, Ural. un-ta Publ., 2000, pp.13–21.

Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of structural words of the Russian language]/ V.V. Morkovkin, N.M. Lutsкая, G.F. Bogacheva et al., Moscow, Lazur' Publ., 1997. 420 p.

Sternin I.A. Izbrannye raboty. Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya [Selected works. Theoretical and applied problems of linguistics] / nauch. red. Z.D. Popova. Voronezh, Istoki Publ., 2008. 596 p.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoй rechi [The "Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech"] / otv. red. L.P. Krysin. Moscow, 2014, Issue 1: A–I, 776 p.

Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoй rechi [The "Explanatory dictionary of Russian Everyday Speech"] / otv. red. L.P. Krysin. Moscow, 2017, Issue 2: K–O, 864 p.

Vepreva I.T. Refleksiya kak aksiologicheskaya osnova formirovaniya stilisticheskoi normy [Reflection as an axiological basis for the formation of stylistic norms]. *Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoi Rossii* [Cultural and speech situation in modern Russia] / pod red. N.A. Kupinoy, Ekaterinburg, Ural. un-ta Publ., 2000, pp. 42–57.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Какорина Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kakorina Elena Valentinovna, Doctor of Philology, senior research fellow
V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences
18/2, str. Volkhonka, Moscow 119019 Russia
E-mail: ruslang@ruslang.ru